

Серия «История»
2022. Т. 40. С. 49–58
Онлайн-доступ к журналу:
<http://izvestiahist.isu.ru/ru>

ИЗВЕСТИЯ
Иркутского
государственного
университета

Научная статья

УДК 94(47)19/20
<https://doi.org/10.26516/2222-9124.2022.40.49>

Городские «нахаловки» и самовольное строительство на российском Дальнем Востоке во второй половине XIX – начале XX в.

Я. С. Гузей*

*Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого
г. Санкт-Петербург, Россия*

Аннотация. Анализируются практики самовольного строительства и формирование комплекса незаконных поселений в городах российского Дальнего Востока во второй половине XIX – начале XX в. Показывается, что застройка дальневосточных городов во многом велась с отступлением от изначальных планов, при этом весьма распространенным явлением на дальневосточной окраине России становятся незаконные самострои и даже целые нелегальные слободки – «нахаловки», построенные без разрешения местной администрации.

Ключевые слова: самовольное строительство, «нахаловки», нелегальная застройка, захват.

Благодарности. Исследование выполнено при поддержке РФФИ в рамках проекта «Институт захватного землепользования на Востоке России: исторический и сравнительный анализ» (проект № 16-32-00029-ОГОН/18).

Для цитирования: Гузей Я. С. Городские «нахаловки» и самовольное строительство на российском Дальнем Востоке во второй половине XIX – начале XX в. // Известия Иркутского государственного университета. Серия История. 2022. Т. 40. С. 49–58. <https://doi.org/10.26516/2222-9124.2022.40.49>

Original article

Urban “Nakhalovki” and Unauthorized Construction in the Far East of the Russian Empire in the Second Half of the 19th – Early 20th Century

I. S. Guzei*

Peter the Great Saint-Petersburg Polytechnic University, Saint-Petersburg, Russian Federation

Abstract. The article analyzes the practice of unauthorized construction and formation of a complex of unlawful settlements in the southern boroughs of the Far East in the second half of the 19th – early 20th century. It is demonstrated that the construction of the far Eastern cities was largely carried out with deviation from original plans, while unlawful self – construction and even entire illegal settlements – “nakhalovkas” built without permission from the local administration became a very common phenomenon in the far Eastern outskirts of Russia.

Keywords: unauthorized construction, “nakhalovki”, illegal building, seizure.

© Гузей Я. С., 2022

*Полные сведения об авторе см. на последней странице статьи.
For complete information about the author, see the last page of the article.

For citation: Guzei I.S. Urban “Nakhalovki” and Unauthorized Construction in the Far East of the Russian Empire in the Second Half of the 19th – Early 20th Century. *The Bulletin of Irkutsk State University. Series History*, 2022, vol. 40, pp. 49-58. <https://doi.org/10.26516/2222-9124.2022.40.49> (in Russian)

Вторая половина XIX в. стала в Российской империи временем появления и стремительного развития дальневосточных городов. Их росту способствовало представление имперской администрации о том, что именно города станут надежным оплотом государственной власти на отдаленной окраине России и позволят прочно закрепить за империей недавно присоединенный край.

Огромная пустынная окраина России не знала дефицита земельных ресурсов, что с самого начала предопределило значительную свободу в выборе земель для строительства и ее хозяйственного использования. Не случайно на первых порах на российском Дальнем Востоке фактически устанавливалась практика занятия земли, основанная на «праве первого захвата»: земля оказывалась собственностью того, кто первый ее занял и освоил [10, с. 12]. Этот принцип был характерен не только для сельской местности, но и на уровне городских поселений, где нередким явлением становились незаконные «слободки» и «нахаловки», построенные без согласования с администрацией региона и учета всяких строительных норм. В данном отношении пример российского Дальнего Востока не был уникальным: практики нелегального занятия и использования земель фиксировались исследователями в самых различных регионах мира и продолжают наблюдаться даже сегодня, успев превратиться в предмет особого интереса специалистов [3; 8; 9; 11; 17–19]. Между тем феномен нелегального строительства в городах российского Дальнего Востока во многом продолжает оставаться малоизученным, хотя отдельные исследователи не раз его отмечали [14, с. 105]. Цель настоящей работы – проанализировать правоприменительные практики в сфере городской земельной собственности в городах Дальнего Востока России в конце XIX – начале XX в. и понять, как относились к незаконным постройкам и самовольному строительству на дальневосточной окраине империи.

Согласно планам...

Городская застройка российского Дальнего Востока началась фактически сразу с закреплением левобережья Амура за Россией в 60-х гг. XIX в. Центрами первых дальневосточных городов стали военно-административные поселения, основанные преимущественно по берегам рек и за короткий срок преобразившиеся в города – Николаевск (с 1926 г. – г. Николаевск-на-Амуре), Благовещенск, Софийск, Хабаровку (с 1893 г. – г. Хабаровск), Владивосток и Никольск-Уссурийский (с 1957 г. – г. Уссурийск) (подробнее см.: [13–15]).

Стремительный рост дальневосточных городов, способных стать опорными пунктами дальнейшей колонизации края, в полной мере отвечал интересам правительства, прикладывавшего большие усилия к скорейшему заселению Дальневосточного региона и его прочному закреплению за Россией. Согласно Проекту положения о заселении и управлении городов Благовещенска Амурской области, Николаевска и Софийска Приморской области, подпи-

санному в 1861 г. генерал-губернатором Восточной Сибири Н. Н. Муравьев-Амурским, приписаться к дальневосточным городам имели право «все лица свободного состояния», которые в течение трех лет со дня приписки обязались «завести там прочную оседлость»¹. Имеющими такую «прочную оседлость» считали тех, кто «на отведенных местах в городе сделают постройки или разведут сады и огороды, приносящие им доход, или же посредством законного приобретения от других лиц, прежде поселившихся, сделаются владельцами недвижимой собственности»².

На первых порах все желающие причислиться к дальневосточным городам могли получить свободные участки казенной земли для строительства домов и обустройства двора «с особою в пользу города платою»³. При этом правительство строго следило за надлежащим использованием и развитием занятой городской территории. Человек, получивший в пользование участок, обязан был в течение трех лет с момента поселения обзавестись здесь капитальными постройками. Так, по данным на 1871 г., во Владивостоке на участках, отведенных жителям, было построено 125 домов, однако не все лица, получившие участки, смогли их «облагородить» в отведенный срок⁴. В частности, среди тех, кто, с точки зрения дальневосточной администрации, не выполнил необходимые условия пользования отведенной землей – «не огородил», «не сделал построек», был известный купец Густав Альберс, получивший в 1868 г. два участка – № 133 и № 134. В связи с этим было принято решение об изъятии обозначенных участков обратно – в пользу казны⁵. Таким образом, правительство делало ставку в первую очередь на наиболее крепких хозяев, способных внести свой капитал в развитие нового региона и в будущем стать постоянными жителями дальневосточной окраины. Кроме того, подобные меры позволяли пресечь также и все больше распространявшуюся практику перепродажи участков⁶ [2, с. 8].

По мнению чиновников хозяйственного департамента МВД, «городские места» должны были отдаваться «под застройку, согласно утвержденному плану»⁷. Между тем планы застройки дальневосточных городов были утверждены существенно позднее, чем выданы первые участки. К примеру, во Владивостоке первый участок был передан частному лицу под застройку в 1861 г. [12, с. 39], в то время как план самого города был утвержден только в 1868 [Там же, с. 34]. И хотя городские планы, так же как различные циркуляры и законы дальневосточной администрации, четко регламентировали общий характер застройки дальневосточных городов, ширину улиц, кварталов, внешний вид зданий [14], на деле все оказалось не совсем так, как планировали сверху.

¹ Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1287. Оп. 38. Д. 17. Л. 33.

² Там же. Л. 33 об.

³ Там же. Л. 34.

⁴ Российский государственный исторический архив Дальнего Востока (РГИАДВ). Ф. 6. Оп. 1. Д. 37. Л. 3–11.

⁵ Там же. Л. 7.

⁶ Синергист. Быстрый рост Благовещенска // Владивосток. 1884. 26 февр.

⁷ РГИА. Ф. 1287. Оп. 38. Д. 17. Л. 36 об.

«Без всякого плана и системы...»

Первые дальневосточные города застраивались довольно быстро, на скорую руку и не всегда соответствовали установленным планам и нормам архитектуры. Характеризуя застройку Владивостока, современники отмечали, что большинство домов в городе, «принадлежащих небогатому классу, деревянные; построены против всяких правил гигиены; весьма тесны, холодны и сыры. Строятся обыкновенно на скорую руку. Масса домов имеет позднейшие пристройки. Архитектура и стиль самые разнообразные» [16, с. 10].

С отступлением от планов застраивался и развивавшийся исключительно высокими темпами Благовещенск. Один из корреспондентов газеты «Владивосток» писал, что дома в Благовещенске строятся с «горячностью» и «растут как грибы после хорошего дождя. Особенно в центральных улицах: на одном участке строят по два, да по три двухэтажных деревянных дома, и непременно с приспособлениями (для торговли) лавок»⁸.

С увеличением численности городского населения Дальнего Востока стала возникать и проблема незаконного, самовольного строительства. Стихийные, несанкционированные застройки зачастую образовывали целые кварталы, которые, как правило, служили пристанищем для наиболее бедных слоев населения. Как отмечает Т. З. Позняк, подобные районы, с непрезентабельными, самовольными строениями, в конце XIX – начале XX в. имелись в различных дальневосточных городах и получали «говорящие названия, например, Нахальная слобода во Владивостоке» [14, с. 105].

Наиболее неблагоприятной в этом отношении была ситуация с китайскими и корейскими мигрантами, готовыми довольствоваться в жилищном плане самыми минимальными удобствами. Так, по свидетельству авторитетного дальневосточного краеведа Н. П. Матвеева, передававшего донесения общественного старосты г. Федорова, в 70-х гг. XIX в. во Владивостоке китайцы «без всякого разрешения и даже вопреки приказаниям полиции и общественного управления» застраивали Владивостокскую площадь, где изначально предполагалось построить красные ряды и базар [12, с. 64]. Сюда же нередко подсеялись и корейцы: «Прибывающие в город Владивосток корейцы, для приискания себе заработков, без дозволения городской управы, занимают места на базарной площади и без того уже порядочно загроможденные постройками манзовских фанз, селятся возле этих фанз, устраивая себе для жилья землянки...» [Там же, с. 61]. По свидетельствам составителей одного из первых путеводителей по Владивостоку, аналогичная непрезентабельная картина складывалась и в районе Семеновского покоса, слободок Линейной и Матросской, состоящих по большей части из «фанз или жалких лачуг»: «Улицы труднопроходимы и грязны во всех отношениях. Устроены отхожих мест, выгребных ям, водосточных труб и прочего нет. Жители этих слободок и кварталов – народ бедный, чернорабочий: манзы, корейцы, русские рабочие (их очень немного) и семейства нижних чинов. Все они живут очень тесно, скученно и в высшей степени грязно в своих или в нанимаемых фанзах»

⁸ Синергист. Быстрый рост Благовещенска // Владивосток. 1884. 26 февр.

[16, с. 10–11]. Типичной была ситуация и с «манзовским кварталом» в селе Никольском (с 1898 г. – г. Никольск-Уссурийский), который, по замечаниям чиновников Южно-Уссурийского полицейского окружного управления, представлял из себя «сплошную массу построек без всякого плана и системы»⁹.

Незаконные постройки, возведенные без ведома городской управы, однако не всегда представляли собой исключительно «трущобную» застройку. Не имея никаких разрешений ни на занятие участка, ни на его застройку, нередко возводили свои дома и вполне состоятельные жители Дальнего Востока¹⁰. В особенности такая ситуация была характерна для начального этапа городской застройки, когда формирование собственности складывалось явочным путем – на основе «права первого захвата». Не случайно комиссия, проходившая в Хабаровске в 1880 г. и имевшая целью упорядочение землепользования и землевладения в городе, приняла решение признать все застроенные земельные участки, где «возведена прочная оседлость», «в бесспорном пользовании первоначально заселивших эти участки лиц» [2, с. 13–14]. Таким образом, приоритет на владение землей отдавался не тому, кто ее получил изначально, а тому, кто смог ее эффективно освоить. В этом отношении на первых порах для дальневосточной администрации гораздо важнее оказывались не фактические документы на правообладание земельным участком, а приложение собственного труда к обустройству этого участка: строительство дома, хозяйственных построек, благоустройство двора.

Самострои и закон

Случаи самовольной, нелегальной застройки были характерны во второй половине XIX – начале XX в. не только для городов Дальнего Востока, но и для империи в целом [4; 5, с. 126–127]. Так, быстрый рост городов Сибири, особенно ускорившийся с началом строительства Транссибирской магистрали, способствовал формированию там массовых незаконных строений. По замечаниям авторитетного исследователя городского быта Сибири конца XIX – начала XX в. Ю. М. Гончарова, трущобную застройку можно было обнаружить в это время в Омске, где в районе Красного Городка «в примитивных жилищах проживало 2560 самовольных застройщиков», в Новониколаевске, где «“явочным порядком” сложился целый поселок под названием “Братолюбовка”» [6, с. 129].

Надзор за законностью возводимых построек и соблюдением норм строительства возлагался в империи на чиновников полицейского ведомства. Однако в силу пробелов в законодательной базе империи с незаконным захватом земли и самовольным строительством довольно сложно было бороться.

На неразработанность имперского законодательства в отношении незаконного строительства обращали внимание уже современники. Так, орловский губернатор М. Н. Лонгинов писал министру внутренних дел в 1871 г., что фактически невозможно привлечь к ответственности тех, кто самовольно, без надлежащего разрешения властей возводил строения в местах, для того не

⁹ РГИАДВ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 99. Л. 1.

¹⁰ См.: РГИАДВ. Ф. 6. Оп. 1. Д. 21; РГИАДВ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 66.

предназначенных¹¹. Как отмечал губернатор, согласно российскому законодательству «виновные обязаны исправлять или подвергать сломке все неправильно построенное, если допущенная неисправность будет признана вредною для общественной безопасности или для народного здоровья. Следовательно, в силу упомянутых статей подвергать сломке деревянные строения следует не потому, что они построены на месте, где законом и согласно плана запрещено возводить подворные строения, а только тогда, когда постройки будут признаны вредными для общественной безопасности или для народного здоровья. Таким образом, ежели кто-нибудь в том месте, где запрещено законом возводить деревянные строения, пожелает построить дом, то подобное желание не представляет больших затруднений. Сначала где-нибудь на дворе делается сруб и когда он совершенно готов, забор в избранном месте возвышается и в одну ночь разбирается старое строение и возводится новое. Полиция или кто-либо из членов строительного отделения, ежели заметят подобный поступок, доносят кому следует. Дело переходит мировому судье, который призывает техника и спрашивает: может ли означенная постройка вредить личной безопасности, получив отрицательный ответ, он штрафует построившего здание на три руб. и оставляет его в том виде, как оно найдено полицию»¹².

Сложность привлечения нарушителей к ответственности фактически приводила к тому, что на незаконную застройку в империи чаще всего смотрели сквозь пальцы. Значительные земельные богатства России нередко «позволяли» просто-напросто не замечать незаконные застройки, в особенности на территории малонаселенных Сибири и Дальнего Востока. К слову сказать, даже в европейской части России, где вся земля была определена и имела своего пользователя, в конце XIX – начале XX в. было немало таких, кто вообще не имел никаких документов на право владения землей и, соответственно, на ее застройку. К таковым относились практически все собственники пригородных селений, которые в доказательство своих прав собственности на землю могли «представить лишь свое фактическое владение» [7, с. 17].

Неразработанность российского законодательства в отношении земельных захватов и незаконного строительства являлась одним из показателей того, что этот вопрос во второй половине XIX – начале XX в. так и не стал серьезной проблемой. В данном случае нельзя не согласиться с мнением А. М. Аббасовой, занимавшейся исследованием прав на застройку в Российской империи, которая отмечала: «Огромная территория Российской империи исторически не порождала дефицита земли. Напротив, многие казенные земли оставались пустующими, а следовательно – характеризовались дешевизной. Социальной потребности в земельных ресурсах для строительства зданий не возникало, в связи с чем и необходимости в правовом регулировании невостребованных отношений попросту не было. Пустующие земли постепенно застраивались домами, зданиями и сооружениями, причем не собственники зе-

¹¹ РГИА. Ф. 1287. Оп. 40 Д. 902. Л. 1–3.

¹² Там же. Л. 1 об.–3.

мельных участков выступали часто в качестве строителей» [1, с. 33]. В результате решение проблем незаконной застройки и незарегистрированных мест поселения зачастую отодвигалось на второй план.

Нелегальная застройка замечалась только в том случае, если строения каким-либо образом составляли угрозу народной безопасности. И такой угрозой, как правило, оказывались строения менее обеспеченной части населения.

В этом отношении кейс российского Дальнего Востока оказывается весьма показательным: о незаконности постройки «манзовских» кварталов здесь «вспоминали» чаще всего в связи с тем, что они представляли собой угрозу в санитарном и пожарном отношении. Именно признание «манзовского» квартала в с. Никольском «весьма опасным как в пожарном, так и в санитарном отношениях», а не его незаконность стало основным доводом в пользу его переустройства¹³. Весьма типично, что такое же основание выдвигала и владивостокская городская управа, настаивающая на удалении с базарной площади корейских и китайских мазанок, поскольку «густота» самовольно «заселившихся на базарной площади корейцев и манз заражает воздух и производит в местности этой зловоние, вредно действующее как на самих там живущих, так и на продаваемые для жителей Владивостока продукты» [12, с. 61].

«Заметными» властям незаконные постройки становились также и в случае конфликта двух и более лиц, предъявляющих права на земли, занятые под постройками. Так, в 1867 г. к архитектору Приморской области обратился купец В. В. Ланин с просьбой признать незаконной постройку бани чиновника С. С. Сидорова, который построил ее на границе участка В. В. Ланина в непосредственной близости от сеновала¹⁴. Проведенные проверки подтвердили справедливость претензий купца В. В. Ланина. Было решено, что «баня по закону существовать не может» и должна быть снесена¹⁵. Ввиду поступившей жалобы в 1867 г. областным приморским землемером незаконным был признан и дом солдатки Замберг, которая, как показал замер участков, «судя по количеству владения земли», «не может иметь на занятой земле никакого акта» и «следовало бы ввести всем участком жену матроса Анну Чухломлину»¹⁶. Обращение жителей с подобными жалобами на российском Дальнем Востоке не были редкостью, о чем свидетельствуют и другие архивные материалы¹⁷. Все они весьма показательны в том плане, что демонстрируют отношение властей к проблеме незаконного строительства и захватов земель в регионе: этим вопросом занимались только в случае возникновения конфликтных ситуаций.

Самовольное строительство и формирование комплекса городских «нахаловок», построенных без разрешения местной администрации, было довольно распространенным явлением в городах позднеимперского Дальнего Востока. Примечательно, что незаконными оказывались здесь нередко не только постройки исключительно беднейших слоев населения; отдельная

¹³ РГИАДВ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 99. Л. 1.

¹⁴ Там же. Д. 46. Л. 1–7.

¹⁵ Там же. Л. 7.

¹⁶ Там же. Ф. 6. Оп. 1. Д. 21. Л. 14

¹⁷ Там же. Д. 37. Л. 12–12 об.; Ф. 7. Оп. 1. Д. 66.

часть дальневосточных обывателей также самовольно занимала земли и возводила постройки, не получив предварительного согласия властных структур региона. Между тем к правонарушениям подобного рода относились довольно снисходительно, чему во многом способствовала общая неразработанность российского законодательства в отношении земельных захватов и незаконного строительства. Отсутствие дефицита земельных ресурсов позволяло, в особенности в первые годы формирования дальневосточных городов, «не замечать» самовольных застроек. Гораздо важнее был вопрос колонизации края и формирования постоянного городского населения. Самострой делались «приметными» только в двух случаях: в случае угрозы общественной безопасности жителей окраины или же в случае конфликта и пересечения различных интересов. В результате наиболее вызывающими недовольства администрации оказывались самовольные застройки мигрантов и беднейших слоев населения, резко противоречащие городским планам и потенциально опасные в пожарном и санитарном отношении.

Список литературы

1. *Аббасова А. М.* Право застройки в Российской империи и СССР // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2013. № 3 (26). С. 33–38.
2. *Бодиско А. М.* Из жизни Хабаровска: историческая справка о муниципальной жизни города. Хабаровск : Тип. тов-ва «Общ. труд», 1913. 285 с.
3. *Бреславский А. С.* Незапланированные пригороды: сельско-городская миграция и рост Улан-Удэ в постсоветский период. Улан-Удэ : Изд-во БНЦ СО РАН, 2014. 192 с.
4. *Гилько М. А.* Транссибирская магистраль и проблемы городского хозяйства дореволюционного Красноярска // Вестник КрасГАУ. 2011. № 12. С. 256–263.
5. *Гончаров Ю. М.* Очерки истории городского быта дореволюционной Сибири. Новосибирск : ИД «Сова», 2004. 358 с.
6. *Гончаров Ю. М.* Очерки повседневной жизни горожан Сибири второй половины XIX – начала XX в. : монография. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2014. 348 с.
7. Земельные захваты и межевое дело. Особое совещание о нуждах сельскохозяйственной промышленности. Свод трудов местных комитетов по 49 губерниям европейской России / сост. С. И. Шидловский. СПб. : Тип. В. Ф. Киршбаума, 1904. 171 с.
8. *Карбаинов Н. И.* «Нахаловки» Улан-Удэ: «огораживание» пригородной земли // Социологические исследования. 2007. № 11. С. 136–139.
9. *Карбаинов Н. И.* Фавелы, геджеконду, «нахаловки»: сквоттерские поселения в городах развивающихся и постсоветских стран // Мир России. 2018. Т. 27, № 1. С. 135–158.
10. *Крюков Н. А.* Опыт описания землепользования у крестьян-переселенцев Амурской и Приморской областей // Записки Приамурского отдела Императорского русского географического общества. М., 1896. Т. 2, вып. 2. С. 1–122.
11. *Лосевская О. Д.* История появления «депрессивных» пространств в центральной части г. Новосибирска // Баландинские чтения. 2014. Т. 9, № 2. С. 231–237.
12. *Матвеев Н. П.* Краткий исторический очерк г. Владивостока 1860–1910 гг. Владивосток : Изд. г. Владивостока, 1910. 192 с.
13. *Позняк Т. З.* Города дальневосточной окраины: условия и факторы роста (вторая половина XIX – XX в.) // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2007. № 3 (4). С. 22–23.
14. *Позняк Т. З.* Жилье и быт горожан на дальневосточной окраине (вторая половина XIX – начало XX в.) // Известия Алтайского государственного университета. 2008. № 4/1. С. 103–111.
15. *Позняк Т. З.* Формирование застройки и благоустройство городов юга Дальнего Востока России во второй половине XIX – начале XX в. // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2008. № 2 (6). С. 26–39.

16. Прик А. Е., Беляев А. Д. Владивосток и Южно-Уссурийский округ Приморской области. Путеводитель и справочная книга с приложением адрес-календаря г. Владивостока и пр. Владивосток : Типо-лит. Н. Н. Стефанова, 1891. 96 с.
17. Erman T. The Politics of Squatter (gecekondu) Studies in Turkey: the Changing Representations of Rural Migrants in the Academic Discourse // *Urban Studies*. 2001. Vol. 38, N 7. P. 983–1002.
18. Turner J. Uncontrolled Urban Settlement: Problems and Policies // *International Social Development Review*. 1968. N 1. P. 107–128.
19. Zhimbiev B. History of the Urbanization of a Siberian City. Ulan-Ude ; London : The White Horse Press, 2000. 121 p.

References

1. Abbasova A.M. Pravo zastrojki v Rossijskoj imperii i SSSR [Construction Law in the Russian Empire and the USSR]. *Vestnik Volgogradskoj Akademii MVD Rossii*, 2013, no. 3 (26), pp. 33-38. (in Russian)
2. Bodisko A.M. *Iz zhizni Habarovska: istoricheskaya spravka o municipal'noj zhizni goroda* [From the Life of Khabarovsk: Historic Information about the Municipal Life of the City]. Habarovsk, Tovarishchestvo "Obshchestvennyi trud Publ.", 1913, 285 p. (in Russian)
3. Breslavskij A.S. *Nezaplanirovannye prigorody: sel'sko-gorodskaya migraciya i rost Ulan-Udeh v postsovet'skij period* [Unplanned Suburbs: Rural-Urban Migration and the Growth of Ulan-Ude in the Post-Soviet Period]. Ulan-Ude, BNC SB RAS Publ., 2014, 192 p. (in Russian)
4. Gilko M.A. Transsibirskaya magistral i problemy gorodskogo hozyajstva dorevolucionnogo Krasnoyarska [Trans-Siberian Railway and the Problems of Municipal Economy of Pre-Revolutionary Krasnoyarsk]. *Vestnik KrasGAU*, 2011, no. 12, pp. 256-263. (in Russian)
5. Goncharov YU.M. *Ocherki istorii gorodskogo byta dorevolucionnoj Sibiri* [Essays on the History of Urban Lifestyle in Pre-Revolutionary Siberia]. Novosibirsk, Sova Publ., 2004, 358 p. (in Russian)
6. Goncharov YU.M. *Ocherki povsednevnoj zhizni gorozhan Sibiri vtoroj poloviny XIX – nachala XX vv.* [Essays on the Daily Life of Siberian Citizens of the Second Half of the 19th – Early 20th Centuries. Monograph]. Barnaul, Publ. house Altay Univ., 2014, 348 p. (in Russian)
7. *Zemelnye zahvaty i mezhevoe delo. Osoboe soveshchanie o nuzhdah sel'skohozyajstvennoj promyshlennosti* [Land Seizures and Surveying. A Special Agenda Devoted to the Agricultural Industry Needs]. The Works by Local Committees on 49 Provinces of European Russia]. Compl. by S.I. Shidlovskii. St. Petersburg, V.F.Kirshbauma, 1904, 171 p. (in Russian)
8. Karbainov N.I. "Nahalovki" Ulan-Udeh: "ogorazhivanie" prigorodnoj zemli ["Nakhalovki" Ulan-Ude: "enclosure" of suburban land]. *Sociologicheskie issledovaniya*, 2007, no. 11, pp. 136-139. (in Russian)
9. Karbainov N.I. Favely, gedzhekondy, "nahalovki": skvotterskie poseleniya v gorodah razvivayushchihsya i postsovet'skij stran [Favelas, Gecekondu, Nakhalovki: Squatter Settlements in the Cities of Developing and Post-Soviet Countries]. *Mir Rossii*, 2018, vol. 27, no. 1, pp. 135-158. (in Russian)
10. Kryukov N.A. *Opyt opisaniya zemlepolzovaniya u krest'yan-pereselencev Amurskoj i Primorskoj oblastej* [Experience of the Description of Land from the Peasants-settlers in the Amur and Coastal Regions]. *Zapiski Priamurskogo otdela imperatorskogo russkogo geograficheskogo obshchestva*, 1896, vol. 2, iss. 2, pp. 1-122. (in Russian)
11. Losevskaya O.D. Istoriya poyavleniya "depressivnyh" prostranstv v centralnoj chasti g. Novosibirsk [The History of Depressive Locations in the Central Part of Novosibirsk]. *Balandinskie chteniya*, 2014, vol. 9, no. 2, pp. 231-237. (in Russian)
12. Matveev N.P. *Kratkij istoricheskij ocherk g. Vladivostoka 1860-1910 gg.* [A Brief Historical Sketch of Vladivostok in 1860-1910]. Vladivostok, Vladivostok Publ., 1910, 192 p. (in Russian)
13. Poznyak T. Z. Goroda dalnevostochnoj okrainy: usloviya i faktory rosta (vtoraya polovina XIX – XX v.) [Boroughs of the Russian Far East: Conditions and Factors of Development (second half 19th – the beginning 20th century)]. *Oikumena. Regionovedcheskie issledovaniya*, 2007, no. 3 (4), pp. 22-23. (in Russian)

14. Poznyak T.Z. ZHil'e i byt gorozhan na dal'nevostochnoj okraine (vtoraya polovina XIX – nachalo XX v.) [Housing and Lifestyle of Citizens in the Far Eastern Outskirts (the second half of 19th – early 20th century)]. *Izvestiya Altajskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2008, no. 4/1, pp. 103-111. (In Russian)

15. Poznyak T.Z. Formirovanie zastrojki i blagoustrojstvo gorodov yuga Dalnego Vostoka Rossii vo vtoroj polovine XIX – nachale XX v. [The Formation of the Building and Accomplishment of the Russian Far East Cities in Second Half 19th – the Beginning 20th Centuries]. *Ojkumena. Regionovedcheskie issledovaniya*, 2008, no. 2(6), pp. 26-39. (in Russian)

16. Prik A.E., Belyaev A.D. *Vladivostok i YUzhno-Ussurijskij okrug Primorskoj oblasti. Putevoditel i spravocnaya kniga s prilozheniem adres-kalendarja g. Vladivostoka i pr.* [Vladivostok and the South Ussuri District of the Primorsky Region. Guide and Reference Book with the Application Address-Calendar of Vladivostok and Other]. Vladivostok, Tipo-lit. N. N. Stefanova Publ., 1891, 96 p. (in Russian)

17. Erman T. The Politics of Squatter (gecekondu) Studies in Turkey: the Changing Representations of Rural Migrants in the Academic Discourse. *Urban Studies*, 2001, vol. 38, no. 7, pp. 983-1002.

18. Turner J. Uncontrolled Urban Settlement: Problems and Policies. *International Social Development Review*, 1968, no. 1, pp. 107-128.

19. Zhimbiyev B. History of the Urbanization of a Siberian City. Ulan-Ude, London, The White Horse Press, 2000, 121 p.

Сведения об авторе

Гузей Яна Сергеевна

кандидат исторических наук, доцент,
Высшая школа международных отношений
Санкт-Петербургский политехнический
университет Петра Великого
Россия, 195220, г. Санкт-Петербург,
Гражданский пр., 28
e-mail: guzeiana@mail.ru

Information about the author

Guzei Iana Sergeevna

Candidate of Sciences (History), Associate
Professor, High School of International Relation.
Peter the Great Saint-Petersburg Polytechnic
University
28, Grazhdansky av., Saint-Petersburg,
195220, Russian Federation
e-mail: guzeiana@mail.ru